

— Если на теле есть одежда, а на ногах — обувь, то почему бы не сделать тканевые чехлы по форме пальцев и не надеть их на руки? Это будет удобно, — рассуждал Чжэнь Цюн, который теперь обзавелся перчатками. Хань Мяо заказал для него партию перчаток из тонкой кожи, идеально подходящих для его рук. Во время плавки пилюль они не мешали работе, но при этом защищали кожу от воздействия кислот, щелочей и других ядов. Чжэнь Цюн бережно относился к этим перчаткам.

Услышав объяснение Чжэнь Цюна, Ми Фу широко раскрыл глаза и радостно воскликнул:

— Это замечательная идея!

Перчатки должны быть сделаны из белой ткани, чтобы грязь на них была сразу заметна. Теперь не нужно было постоянно мыть руки, и мать наверняка перестанет его ругать!

Получив такой полезный совет, Ми Фу не стал задерживаться. Он сразу же сложил руки в приветственном жесте и сказал:

— Благодарю наставника за наставление. Я сразу же отправлюсь домой, чтобы сделать партию перчаток. Когда они будут готовы, я вернусь, чтобы попросить у вас разрешения использовать ваш двор для рисования камней с озера Тайху...

— Аньпин, проводи гостя! — кто же позволит ему использовать двор? Чжэнь Цюн рассердился и громко крикнул.

Что мог сделать Аньпин? Вежливо проводив Ми Фу за ворота, он вернулся и увидел, что два свитка с каллиграфией валяются на земле. С сожалением подняв их, он подошел к Чжэнь Цюну и спросил:

— Наставник, что делать с этими свитками?

Чжэнь Цюн, который уже снова разжег печь для пилюль, фыркнул:

— Просто подложи их под ножку стола.

Как можно использовать свитки для подставки под стол? Аньпин с горькой усмешкой взял свитки и ушел. Такие сложные вопросы лучше оставить на усмотрение господина.

В тот же день, ближе к вечеру, Хань Мяо вернулся домой и с улыбкой зашел в боковой двор.

В последние дни он был настолько занят, что едва успевал разрываться между делами. Многие знатные особы пытались завязать с ним отношения, чтобы заполучить серебряное зеркало или купить набор «Возвращение весны». Маневрировать между ними, вежливо отказывая, не нанося при этом ущерба отношениям, отнимало немало сил.

Поэтому, услышав от Аньпина «забавную историю», он не смог сдержать смеха. Вся усталость, накопившаяся за эти дни, моментально исчезла, и он почувствовал желание вернуться домой. Новости о популярности духов также следовало сообщить его маленькому Цюну.

Однако, войдя в алхимическую лабораторию, он увидел, что Чжэнь Цюн, надев очки из стеклянных линз, высокий лицевой щиток и кожаные перчатки, сосредоточенно возился с набором стеклянной посуды.

Эти аксессуары выглядели весьма странно. Но если Чжэнь Цюн хотел их, для Хань Мяо это не

было проблемой. Более того, узнав, что эти вещи могут уменьшить вред от токсинов, он тщательно изготовил несколько комплектов по просьбе Чжэнь Цюна.

Не прерывая его, Хань Мяо остановился у двери и наблюдал за тем, как Чжэнь Цюн занимается плавкой пилюль. Кстати, разоблачение вреда свинца и ртути также стало заслугой этого даосского наставника. Кто бы мог подумать, что «золотые пилюли», которые когда-то приносили беды, вернутся в новом обличье, чтобы вредить женщинам?

Хань Мяо не придавал значения красоте, описанной в строках «Нефритовый кубок ледяной, капли росы блестят, пудра тает, аромат снега проникает сквозь легкую вуаль». Без свинца и ртути оставались другие вещества для изготовления пудры и мазей. Достаточно было того, что наиболее расточительные и склонные к роскоши клиенты начали сомневаться. Верхушка общества подавала пример, и это могло немного смягчить распространение яда. Даже если отбросить финансовую выгоду, это было благое дело.

Пока он размышлял, Чжэнь Цюн закончил свой эксперимент и, подняв голову, увидел Хань Мяо, стоящего у двери. Сняв защитные очки и маску, он подбежал и с радостью спросил:

— Пора получать зарплату?

Эти слова заставили Хань Мяо рассмеяться. По правде говоря, месячное жалованье в сто гуань в Восточной столице считалось высоким. Но по сравнению с набором «Возвращение весны» это было ничто. Только за месяц продаж духов в магазине Чжэнь Цюн мог получить прибыль, сравнимую с золотыми и серебряными горами. Но внезапно ему не захотелось сообщать эту хорошую новость так рано. Лучше оставить это до конца года и устроить сюрприз.

— Цюн трудился целый месяц, разве я могу урезать его жалованье? — с улыбкой сказал Хань Мяо. — Только в последнее время цена на серебро упала. Хочешь ли ты обменять деньги на серебряные слитки?

— Что? — Чжэнь Цюн был шокирован. — Цена на серебро может падать?!

— Цена на серебро зависит от его добычи. Сейчас в Сюнчжоу добывают больше серебра, поэтому цена снизилась. Рыночная цена уже упала до одного гуаня за лян... — медленно объяснил Хань Мяо.

— Один гуань! — Чжэнь Цюн схватился за грудь, не веря своим ушам. — Его восемьсот лянов за мгновение потеряли половину своей стоимости! Что это за мир?!

Видя, что Чжэнь Цюн выглядит так, будто у него случится сердечный приступ, Хань Мяо улыбнулся:

— Не бойся, я могу обменять эти деньги на золотые слитки. Цена на золото всегда только растёт.

Чжэнь Цюн теперь не хотел верить ничему. Подумав, он вдруг сказал:

— Я хочу положить деньги в банк!

Хотя просто иметь сберегательную книжку казалось не слишком надежным, банк хотя бы предлагал проценты. Это лучше, чем постоянно беспокоиться о том, что сбережения уменьшаются...

Однако Хань Мяо нахмурился:

— Банк — это место для обмена золота и серебра, там не принимают вклады. Если ты действительно хочешь положить деньги, можешь воспользоваться лавкой цзяоцзы. Там ты можешь обменять деньги на цзяоцзы, заплатив небольшую комиссию за хранение.

На юге действительно были места, где лавки с золотом и серебром называли «банками», но они не принимали вклады. Они лишь продавали золото и серебро, изготавливали украшения и занимались обменом денег. Однако крупные купцы часто хранили деньги в лавках цзяоцзы, обменивая их на цзяоцзы для удобства перевозки. Комиссия за хранение варьировалась в зависимости от репутации лавки, и надежные заведения всегда брали больше.

Чжэнь Цюнь чуть не задохнулся:

— Как так? За хранение денег нужно платить? Разве они не дают проценты?

Эта Великая Сун была просто ужасна! Как можно так вести банковское дело?

Его слова были несвязными, но Хань Мяо уловил суть:

— Ты хочешь получать проценты? Тогда, пожалуй, тебе придется заниматься ростовщичеством.

Нанять ростовщика для управления капиталом и получения прибыли действительно могло принести хороший доход. Однако, если нанять ненадежного человека, можно было потерять все вложения.

— Ростовщичество? — Чжэнь Цюнь резко покачал головой. — Я не собирался этим заниматься! Это было незаконно, и в случае неудачи можно было потерять все деньги, что было бы катастрофой.

Видя, что он в панике, Хань Мяо улыбнулся:

— Если ты не доверяешь другим, можешь довериться мне. Положи деньги на счет семьи Хань, и я позабочусь о том, чтобы они приносили тебе доход. Ты будешь получать проценты каждый месяц, как тебе?

Это и было истинной целью Хань Мяо в этом разговоре. Сейчас восемьсот лянов не были проблемой, даже если бы они просто лежали дома. Но когда прибыль от духов станет огромной, она достигнет десятков тысяч гуань. Если просто отдать их Чжэнь Цюню, этот скупец, скорее всего, закопает их в землю. Лучше, если он сам будет управлять ими. В конце концов, у Чжэнь Цюня уже есть жалованье, и он может получать небольшие карманные деньги.

— Хм? — глаза Чжэнь Цюня загорелись. — Сколько процентов?

— Три десятых процента в месяц, как тебе? — с улыбкой предложил Хань Мяо. — Если не заниматься ростовщичеством, это была довольно высокая ставка.

— То есть, если положить миллион монет, каждый месяц я буду получать три тысячи монет? — Чжэнь Цюнь быстро рассчитал процент, который был почти таким же, как в банке. — А мои восемьсот лянов...

— Конечно, они будут рассчитаны по старой цене серебра, — быстро ответил Хань Мяо.

Глаза Чжэнь Цюня засияли, и он почувствовал, что этот мужчина стал еще более

привлекательным. Эх, его вкус был действительно хорош, и нужно было продолжать заниматься собой!

Решившись, Чжэнь Цюн вытащил ящик с серебром. Подумав, он попросил Хань Мяо положить половину его жалованья на счет, оставив себе только пятьдесят гуань. Остальные деньги он собирался хранить, чтобы получать проценты.

Хань Мяо не возражал и даже выполнил его просьбу, сделав небольшую книжечку. В ней он записал дату внесения каждой суммы, размер процентов и поставил свою подпись.

Получив сберегательную книжку, Чжэнь Цюн наконец вздохнул с облегчением:

— Хотя это и не государственный долг, но тоже неплохо.

— Что такое государственный долг? — с любопытством спросил Хань Мяо. — Слова «государство» и «долг» казались совершенно несовместимыми, и это звучало странно.

Чжэнь Цюн фыркнул:

— Это когда императорский двор выдает долговые обязательства, занимая деньги у народа, а потом возвращает их с процентами.

Наставник Чжэнь: Тебе не хватает микроскопа? Тебе не хватает заботливого отца!

Ми Фу: ???

Эта строка из стихотворения Янь Шу. В древности женщины действительно покрывали тело пудрой, а самой качественной пудрой была свинцовая. Также использовали киноварь для изготовления помады, возгоняли ртуть, чтобы получить «киноварь» (красный оксид ртути), добавляли мускус для создания румян, не говоря уже о тех, кто принимал мышьяк для отбеливания кожи... Чем богаче были люди, тем больше странных вещей они делали. В сочетании с мужскими излишествами и пьянством, рождение здоровых детей становилось настоящей редкостью.

А те две копии каллиграфии Ми Фу через двадцать лет будут оценены в восемьсот гуань. Цюн, думаешь, это выгодно? =w=

<http://bllate.org/book/16827/1547346>